

Понимающий надзиратель

Одинокaя камера Тюрьмы Железной Розы представляла собой укромное помещение площадью менее трёх квадратных метров с удобствами, состоящими только из ямы и тaзика, наполненного водой; здесь не было даже подстилки, и заключенные могли спать только лежа на полу рядом с ямой. В помещении не было окон, и связь с внешним миром была возможна только через небольшой зарешеченный квадрат в железной двери.

Заключенные в карцере едят, пьют и спят, прикованные к этому миниатюрному пространству, и день тяжелой жизни здесь тянется, словно годa. По сравнению с этим местом обычная камера может считаться раем, поэтому в тюрьмах одинокое заключение используется как дисциплинарная мера.

Эйден лично отвел Веронику в камеру и закрыл стальную дверь, затем вышел и пододвинул стул, чтобы сесть перед камерой.

— Что вы делаете? — Вероника стояла за железной дверью и хмурo смотрела на него.

— За камерами должны следить, на случай, если заключенный решит убить себя о стену. Для нас последствия будут серьезными, — тихо ответил Эйден.

— Тогда хотя бы позовите женщину-охранника. Как я смогу сходить в туалет, когда вы сидите здесь? — Вероника бросила на него испепеляющий взгляд.

— Не волнуйся, я уйду после небольшого разговора, — Эйден положил просмоленный бумажный пакет в щель. — Поешь?

— Что это? — Вероника не сразу взяла, но уже почувствовала аромат, исходящий от жирного бумажного пакета — у оборотней носы гораздо чувствительнее, чем у обычных людей.

— Открой и посмотри.

Вероника с подозрением открыла пакет и из него вырвался горячий воздух с сильным ароматом. Там оказались несколько обжаренных куриных крылышек и говяжьих окорочков.

Вероника подсознательно сглотнула, запах жира, специй и меда был особенно манящим в полутьме ночи.

Но она сдержалась и настороженно посмотрела на Эйдена: — За что такая любезность? Вы ведь не подмешали ничего странного?

— Да брось, я пока не хочу терять работу, — презрительно ухмыльнулся Эйден. — Еда уже

здесь, ты можешь её есть или не есть.

Вероника на мгновение замешкалась, но в конце концов взяла бумажный пакет и повернулась, чтобы сесть спиной к двери.

— Какого черта вам нужно? — спросила она.

— Как я уже сказал, просто хотел поболтать. В обязанности начальника тюрьмы входит следить за психическим здоровьем заключенных.

— Психическое здоровье? Да ладно? — Вероника посмотрела на него скептически.

— Без шуток, я добавил должность психологического консультанта для заключенных в этой тюрьме, — сказал серьезным тоном Эйден. — Иногда я лично провожу беседы с заключенными и выступаю в роли понимающего надзирателя.

О должности психолога Эйден узнал из своего опыта в прошлой жизни, и реализовывал эту инициативу ещё до того, как стал начальником тюрьмы. Тюремная система в этом мире была довольно грубой, и хотя во внешнем мире уже существовали психологи, никому не приходило в голову обратить внимание на психологические проблемы преступников.

— Но о чем нам говорить? — немного расслабилась Вероника.

— О многом, например, об увлечениях, годовом доходе и прочем...

— Вы ходите на свидание вслепую с приговоренными к казни заключенными? — Вероника уловила его шутку и растянула рот в улыбке.

— Тогда погорим о размышлении от убийства людей.

— Я никого не убивала, — улыбка мгновенно исчезла с лица Вероники, и голос её погрузнел.

— Тогда расскажи, как тебя несправедливо обвинили, — спокойно сказал Эйден.

— Вы... — Вероника на мгновение запнулась, — готовы поверить, что меня несправедливо обвинили?

— Как я могу? — без колебаний ответил Эйден. — Это тюрьма, она полна воров, грабителей, лжецов... и убийц. В истинном смысле этого слова, я не смею утверждать, что здесь нет хороших людей, но их совсем немного. Мало кто из преступников всерьез столкнулся с

сожалениями о содеянном, все чувствуют, что их несправедливо обвинили. В нашей работе самое серьезное табу – легко верить заключенным.

— Тогда почему вы спрашиваете меня? — глаза Вероники потускнели.

— Хотя в данный момент я тебе не верю, но готов выслушать, — спокойно сказал Эйден, откинувшись в кресле. — Я прочитал твоё дело, и в нем действительно есть что-то непонятное.

«...»

Вероника молчала долго-долго, настолько долго, что Эйден на мгновение подумал, не заснула ли она.

Наконец Вероника заговорила: — Я не знаю, что вам ответить, когда вот спрашиваете. Если бы я кого-то убила, то, конечно, могла бы во многом признаться. Но на самом деле я никого не убивала, просто патрулировала в тот день, как обычно, вернулась домой с работы, а на следующий день меня почему-то арестовали.

— Я читал в материалах дела, что утром в день убийства у тебя был конфликт с жертвой, это правда? — Эйден просто задавал вопросы по порядку.

— Да, в их заведении продавали палёный алкоголь, поэтому я арестовала владельца. Потом семья пришла в полицейский участок и устроила скандал, такое постоянно случается, — спокойно рассказала Вероника. — Эта особа оскорбляла меня и пыталась загородить мой кабинет, мешая работать. Я собиралась задержать и её, но мой коллега остановил меня.

— Как она тебя оскорбляла?

— Остальное я не помню, но самым страшным было то, что я выродок, рожденный от шлюхи и собаки динго.

— Seriously? И за такое ты не захотела её убить?

Поставив себя на её место, Эйден честно признал, что не смог бы остаться спокойным, если бы услышал такое.

Однако Вероника холодно рассмеялась: — Ха, если убивать за такое предложение, то я должна была начать убивать с восьми лет и продолжать до сих пор. Надзиратель, вы обычный человек, боюсь, вам не понять, каково это – родиться не таким, как все. Я служу в конной полиции уже почти шесть лет, и видела всё разнообразие коррупции. Даже если не сравнивать себя с этими людьми, я думаю, что выполняла работу профессионально и самоотвержено. Но даже несмотря на это, каждый месяц в полицию приходят анонимные письма от гражданских лиц с

замечаниями в надежде, что начальство уволит меня. Единственная причина – я оборотень. В этих письмах меня проклинали и хуже.

— Итак... — Эйден на мгновение смутился и поспешил вернуть разговор в нужное русло, — когда ты в тот день сдала назад свой пистолет?

— Ровно в половине двенадцатого, — ответила через несколько секунд Вероника.

— Жертва была убита в двадцать минут двенадцатого, поэтому ты и попала под подозрение, — кивнул Эйден. — Место преступления находилось на участке, который ты патрулируешь, не так ли? Разве тебя не было рядом во время убийства?

— Из-за того, что произошло тем утром, меня перевели патрулировать другой участок ночью. Моё начальство было обеспокоено, что начнется спор, когда я буду проходить мимо таверны.

— Но в итоге следственная группа установила, что ты пробралась в заведение во время патрулирования и убили человека, потому что в пистолете, который ты оставила в хранилище, не хватало пули, — Эйден упомянул самую важную улику.

— Я... честно говоря, не знаю, что происходит... — Вероника опустила взгляд. — В тот день я просто вернула пистолет, как обычно. Я проверила его, когда брала пистолет в патруль. За всё время я вообще ни разу не стреляла.

— Ты серьезно? — Эйден вдруг нахмурился.

— Я говорю правду. Хотите – верьте, хотите – нет.

Вероника ответила безразличным тоном, но внезапное сомнение Эйдена заставило её почувствовать себя немного неудобно.

— Нет, я имею в виду, неужели ты не понимаешь, что происходит? Если ты не убивала человека, то очевидно, что есть только одна возможность.

— Что вы сказали? — Вероника сразу наострила уши.

— Если ты говоришь правду, то человек, обслуживающий хранилище, дал ложные показания, чтобы подставить тебя.